

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ПРОХОЖДЕНИЕ
ВЕНЕРЫ ПО ДИСКУ
СОЛНЦА

Владислав Петрович Крапивин

Прохождение Венеры по диску Солнца

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138240

Прохождение Венеры по диску Солнца: Эксмо; 2005

ISBN 5-699-12413-6

Аннотация

В моменты, когда жизнь, стремительно набирая скорость, несется под откос, остается только надеяться на чудо. И чудо приходит – в лице ангела-хранителя по имени Вовка. Как и положено ангелу, он быстро решит все проблемы. Добудет из воздуха необходимые деньги, разбудит совесть в местном олигархе, вернет из небытия сгоряча уничтоженную фантастическую повесть о прохождении Венеры через диск Солнца, защитит от шальной пули... Но кто защитит самого Вовку?

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	14
3	22
4	35
5	44
6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Владислав Крапивин

Прохождение Венеры по диску Солнца

Часть первая

Ангел-хранитель Вовка

1

Револьвер был итальянской системы «Пикколо». В точности как настоящий. Только вместо медных патронов – стеклянные баллончики со сжатым воздухом. Хлопал он оглушительно, бил пластмассовыми пулями крепко, но застрелиться из него было все-таки невозможно. Я и не пробовал. Вместо этого лежал на тахте и стрелял по фужерам.

Эти фужеры мы купили с Лидией год назад, когда наконец решили расписаться в загсе. Дюжина тонких-звонких красавцев всяких дымчатых расцветок – от нежно-лиловой до темно-розовой. Они стояли шеренгой за стеклом посудного шкафа. Стекло разлетелось от первого выстрела, а сейчас разлетались сами наши любимцы. Я старался переши-

бать ножи, но это удалось всего два раза. Чаще пули разносили верхнюю часть фужера или вообще летели мимо – делали лучистые дыры в зеркальной задней стенке. После восьми выстрелов были уничтожены пять тонконогих бокалов. Я перезарядил барабан.

Я расстреливал собственную прежнюю жизнь.

Ни злости, ни отчаяния, ни дурацких надежд уже не осталось. Все перегорело. В душе сидело только тупое «наплевать». И такая безбоязненная мрачность, когда говоришь судьбе: «Ну давай, давай. Что еще? Чем хуже, тем лучше...» Хотя какое могло быть «лучше»...

Лишь изредка, будто одинокие пузырьки, всплывали остатки эмоций и я шепотом говорил:

– С-сука...

Это – по адресу Стаса Махневского. Бывшего лучшего друга. Ну... пусть не друга, но хорошего приятеля. Со школьных времен. Он всегда относился ко мне по доброму, хотя и со снисходительной ноткой. Заступался в седьмом классе, когда приставали и дразнили «Доцентом». Дурацкая старая поговорка: «Сто процентов доцентов ходят с портфелями». Вообще-то таких, как я, сутулых книгочеев и «полуотличников», называют ботаниками, но ко мне кличка прилипла из-за отцовского портфеля. В ту пору никто уже с портфелями не ходил – рюкзаки там или всякие современные сумки. А я ходил. В память об отце, ну и... ради принципа, что ли. Потом, в старших классах, дразнилки как-то угасли,

прозвище подзабылось, а Стас нет-нет да окликал меня Доцентом. Но я не обижался, понимал – дружеская шутка.

После школы мы потеряли друг друга, а после института и армии я оказался в этом «почти столичном» городе и узнал, что Стас тоже здесь. Совладелец концерна «Дешевые рынки». Ну, законтачили снова. Один раз он помог даже ссудой, когда мы с ребятами из распавшейся газеты «Звонкое утро» затеяли журнал с тем же названием. Для школьников, которые еще не потеряли вкуса к чтению.

Таких читателей в жизни осталось не так уж много, однако сперва дела пошли неплохо. Мы выпустили три номера, напечатали там крутую фантастику местного молодого таланта Игоря Шведкина и повесть Юлия Блада «Беседка над обрывом» – от нее балдели девицы с шестого по одиннадцатый класс. Пришла пора наращивать тираж, и вдруг...

Ну, не вдруг, конечно. Просто прошляпили, разинули рты, увлекшись издательскими радостями и позабыв о рынке. А рынок про нас не забыл. То есть «Дешевые рынки». Дорого они нам обошлись. Все полетело почти мгновенно. Я в этих делах ни фига не понимаю, финансами занимались другие. Вроде бы опытные ребята, но и они оказались в яме. Каким-то образом получилось, что у «Дешевых» больше половины акций и права на старенький редакционный особнячок и на оборудование. И еще куча исков, которые нам необходимо было погасить в месячный срок. А не то...

Ладно, казалось бы, купили журнал, и хрен с вами. Нам,

в конце концов, все равно, кому он принадлежит, лишь бы шел к читателям. Но «Дешевым» ни на кой черт не нужен был ежемесячник для «слюнявых тинейджеров». Им нужен был крутой рекламный еженедельник с лаковым разноцветьем новейшего ширпотреба и голыми задницами длинноногих блондинок. И, чтобы выпускать это дерьмо, у них были свои кадры.

Конечно, я кинулся названивать Стасу. Он сказал в трубку своего «накрученного» мобильного:

– Доцент, дорогой ты мой. Нельзя же было так хлопать ушами. Я предупреждал...

Врал, конечно, никак он не предупреждал.

– Стас, ну сделай что-нибудь. Ты же там один из главных!

– Во-первых, не из главных. А во-вторых... что может сделать одуванчик на пути лавины? Это же *процесс*. Естественный процесс в мире бизнеса. Здесь нет ни друзей, ни эмоций. И от меня не зависит ни-че-го...

Он врал опять. От него зависело многое. И, кстати, не такой уж важной добычей для их концерна было наше хозяйство. Мелкая рыбешка в акульей пасти: проглотит и только фыркнет.

– Стас, но мы же... со школьных лет...

Он сказал прочувствованно:

– Ваня, я все понимаю. Но пойми и ты... Мы живем в разных мирах. Ты воспитан на «Трех мушкетерах» и «Двух капитанах», а сейчас иная эпоха. Эти романы – давно уже не

кодекс чести, они просто товар для оптовой книготорговли. Такова «се ля ви», мой друг, и я этой «се ля ви» подчинен на сто «процентов»...

Я как-то в один момент понял, что дальше говорить нет никакого смысла. Но все же сказал напоследок – какая он б... И добавил еще несколько слов (кажется, даже мой мобильник покраснел). Стас не рассердился, даже похихикал:

– Доцент, не старайся, ты никогда не умел лаяться по-настоящему... Хочешь дружеский совет? Не доводите дело до суда. Только потратите на адвокатов последние грош*и*. И... ты же понимаешь...

Я понимал. И все мы понимали. Помнили недавнюю судьбу независимого «Рынка на Полянке». Уж на что крепкие мужики им владели, Афган прошли, а... В общем, схоронили двоих, а дело пришлось свернуть...

И я, и все, кто занимался журналом, отдали на него свои сбережения (идиоты, энтузиасты чертовы!). Теперь, чтобы погасить долги, надо было распродавать имущество. Кто-то расстался с машиной, кто-то с дачным участком. У меня не было ни того, ни другого, только вот эта двухкомнатная квартира, в которой мы с Лидией худо-бедно обитали пятый год (кроме тех дней, когда она взбрыкивала: «Я ухожу к маме, тебе полезно временное одиночество!»).

Через неделю квартира уйдет в чужие руки. Имущество девать некуда. Кое-что по мелочам перетащит к маме Лидия, а мебель и прочий «габарит» – в комиссионку.

А сам я куда?

Работенку с чахлой зарплатой найти еще можно, а жить где? Выход один – мотать отсюда на родину, в Тальск. Под мамино крыло, в старый уютный домик на улице Теплый Ключ. Устроиться учителем в школу (всегда возьмут, все-таки физмат за плечами), существовать на жалованье в размерах прожиточного минимума и размышлять, как начинать жизнь с нуля... Мама, конечно, будет счастлива. Хотя: «А как же Лидия?..»

Лидия не поедет со мной, это без вопросов. Она – «железная леди» и не бросит то, что наработала в жизни. А наработала она профессию и опыт массажиста, хорошую клиентуру. Когда-то была она старшей медсестрой в госпитале ветеранов войны и труда, потом окончила нужные курсы и поступила в салон «Красота и здоровье». В общем-то на ее зарплату можно было существовать без особых проблем, но... к своей теще я переселяться не стал бы даже под пистолетом. Нет, она вовсе не стерва, однако... Да чего там рассуждать.

Квартиру я получил в наследство от полужнакомой тетушки (прямо как в старом романе). Она умерла, когда я окончил школу. Пришлось ехать в этот город, вступать во владение недвижимостью. Мама со мной не поехала, она всеми корнями была в Тальске, в его краеведческом музее, где заведовала библиотекой. Кипучая жизнь «почти столицы» мне, молодому дурню, пришлась по вкусу: не буду продавать квартиру, а поступлю здесь в педагогический университет

(тогда все институты начали именовать себя университетами). И поступил. Конкурс был небольшой, а у меня – серебряная медаль. Даже взятка не понадобилась...

Мама, повздыхав, благословила меня на самостоятельное существование («Я надеюсь на твою рассудительность, Ванечка, будь как папа, он начинал так же»). С ней осталась моя младшая сестренка, Лёлька.

Сперва жил один, потом появилась Лидия. Красивая, решительная, сразу ставшая главной в нашей незарегистрированной семейной паре. Внушала мне, маминому мальчику-провинциалу, житейские правила, взрослый практицизм и даже всякие «мужские премудрости». Во многом преуспела (правда, не в практицизме). Была она и ласкова, и тверда, а порой иронична. Ну и что? Такая она и была для меня хороша...

В педвузе не было военной кафедры. Едва я после выпуска устроился в лабораторию магнитных пленок, как меня загребли в войска спецсвязи. К счастью, всего на год. Службу я оттрубил без проблем. На маленькой «точке» в таежном поселке собрались в основном все такие, как я, с институтскими дипломами, кое-кто даже в очках. Потому как требовались там люди с головами. Не было никакой дедовщины, и большого хамства со стороны офицеров не было. Понимали, что наши мозги надо беречь. Правда, бывало, что выматывались мы крепко, но зато знали: дело делаем, не генеральские дачи строим...

Мама и Лёлька присылали посылки, Лидия – письма. Суховатые и регулярные, раз в две недели. Иногда появлялось у меня опасение: вернусь, а у Лидии – «Ваня, здравствуй, это Миша (или Вася, или, скажем, Артур). Мы решили с ним расписаться. Ты не против, если он пока поживет у нас?» Ничего такого не случилось (потом даже стыдно было за свои мысли). Она, как девчонка, повисла у меня на шее, похлопала носом. Но скоро стала опять прежней Лидией. Не забывала учить уму-разуму меня и порой в воспитательных целях оставляла одного, «уходила к маме» (к своей, конечно, к Таисии Эдуардовне). Мама эта была, вне всяких сомнений, достойная женщина, однако меня приводило в отчаянье способность ее говорить без умолку, не слушая других, и при этом рассказывать о вещах никому не интересных – о каких-то своих знакомых, о вычитанных в газетах рецептах, о повышении цен на кукурузное масло и о соседской таксе, которая родила трехпалого щенка. Одно хорошо – этого долго не могла вынести и Лидия, возвращалась «под семейный кров».

Самые большие (хотя и нечастые) споры были у нас с Лидией о детях. Мне хотелось пацана или девчонку, пока мы молодые (Лидия, кстати, на два года меня «взрослее»). А то ведь останемся без потомства, елки-палки. Лидия в ответ заявляла: «Посмотри на себя, какой из тебя папа! Тебе самому еще нужно мамино крылышко, дитя неразумное...» – «Тебе просто не хочется возиться с памперсами и портить ма-

никюр!» – «Если уж тебе так нужен наследник, я разрешаю: заведи ребенка на стороне». – «Ну и заведу!» – «Ну и давай. Если очень постараться, можешь преуспеть».

После этого я говорил, что она дура. Лидия, конечно, обьявляла, что уходит к маме. «Ну и валяй...» Иногда она и правда уходила, но чаще мы мирились, и я утихал под ее сдержанное воркование. Что «всему свое время»...

На сей раз Лидия была не у мамы, а на работе, хотя несколько раз грозила уйти, «если ты не прекратишь свои дурацкие истерики». «Что мы, помрем, что ли? Надо быть мужиком, а не распускать сопли!»

Я не распускал сопли, это она зря. Просто тяжело жить, когда все так обваливается разом. Тут и гибель журнала, ради которого я со скандалом ушел из компании «Ньюэлектрик» (и куда меня теперь ни за что не возьмут); и грядущее расставание с квартирой; и предательство Махневского (сволочь поганая, б...); и полное отсутствие пере... пре... тьфу, перспектив (не надо было столько глотать из фляжки с «Тайным советником», тем более что наверняка поддельный).

И вообще – почему все так несправедливо? С какой стати все эти подлые события – на меня?! Неужели я хуже других?! Не воровал, гадостей никому не делал, о большом богатстве не помышлял, полезное дело затеял... За что же ты так меня, матушка-судьба?

В глазах защипало, как у третьеклассника из-за несправедливой двойки. Я сжал зубы и пальнул еще по одному фу-

жеру. Мимо. Даже здесь не везет...

Когда-то мне маленькому мама говорила, что у каждого человека есть невидимый ангел-хранитель. Ну, пусть не у каждого, но у хорошего – точно. Значит, надо стараться быть хорошим, говорила мама, и про ангела не забывать, тогда он поможет и защитит... Я, по правде говоря, забывал. Но ангелы-то, они ведь должны быть великодушными. Почему же он забыл про меня? «Ну, где ты, где, где?!»

Крепко шарахнуло тугим воздухом, я уронил «пикколошку». Показалось, что в окно ворвался на широком размахе крыльев большой гусь. Конечно, я на миг зажмурился, но тут же вытаращил глаза.

Окно было по-прежнему закрыто. И никакого гуся не было. Но люстра качалась, а от потолка к полу по широкой спирали планировало белое перо. Я тупо следил за ним. Когда перо легло на палас, воздух качнулся, и посреди комнаты стал мальчишка.

2

Я смотрел на него, неловко вывернув шею.

Он был с волосами пыльно-соломенного цвета, давно не стриженными и растрепанными. В тонкой белой рубаше до пят.

«Вот так, – скорбно попенял я себе. – И это с неполной фляжки паршивого коньяка. Ну, конечно, еще стрессы и все такое, но... что сказала бы Лидия. В самом деле «распустил сопли»... Я сердито поморгал. Мальчишка переступил с ноги на ногу.

– Сгинь, – сказал я.

Мальчишкино курносое лицо обострилось, глаза стали как синие смотровые щели.

– Ни фиги себе! Сперва позвал, а теперь «сгинь»!

– Кого я позвал?

– Меня!

В голове стало что-то плавиться.

– Ты кто?

У него был треугольный подбородок и торчащие скулы с шелушащейся, как от загара, но бледной кожей. Большой толстогубый рот. Рот шевельнулся в полуулыбке.

– «Кто-кто». Я твой ангел-хранитель.

Главное – не впадать в панику. Понятно, что я спятил. Ну и ладно, бывает. В конце концов, может, оно и к лучшему:

пока будут лечить, дело затормозится. Потому как со свихнувшегося какой спрос... Я где-то слышал, что при таких вот случаях, когда всякие глюки, видения-привидения и нереальные ситуации, самое правильное – принять правила игры. Будто так и надо. И тогда есть надежда плавно вернуться к нормальному восприятию жизни... И, в конце концов, это даже интересно!

Я сказал как завуч, обличающий неумело врущего ученика:

– Если ты ангел, где же, голубчик, твои крылья?

– А, крылья, – хмыкнул он. – Вот... – И две растрепанные громады из белых перьев выросли у него за спиной. Мальчишка расправил их, крылья приобрели форму и заняли чуть не всю комнату. Левое зацепило над дверью электронные часы с кукушкой, та перепуганно выскочила и заорала.

– Осторожнее ты! – испугался я (хотя зачем они мне, эти часы).

Он усмехнулся опять, дернул спиной, крылья отвалились и шумно упали на пол, съжились. Мальчишка сгреб их в охапку, кинул к потолку. Перья растворились в воздухе. Лишь перо, которое я увидел вначале, по-прежнему белело на зеленом паласе.

Мальчишка шмыгнул ноздрей и насупленно сказал:

– Ну, есть еще вопросы... про меня? Говори.

Вопросов была целая куча. И я задал самый идиотский:

– А с какой стати ты со мной на «ты»? Пускай ангел, но вроде еще пацан, а я как-никак взрослый.

Синие смотровые щели чуть расширились и посветлели, в них будто бы мелькнуло: «Вижу я, какой ты взрослый...» Но отозвался он без насмешки, даже виновато:

– Иначе никак нельзя. Всем, кого надо защищать и охранять, говорят «ты». Так полагается... Пускай даже министру или генералу...

– Ну и... как ты собираешься меня защищать? Ты хоть знаешь *от чего?*

– Не-а... – Он переступил на паласе и, кажется, почесал под подолом одну ногу о другую. – Мне толком ничего не сказали. Ты как заорал, меня сразу сюда. «Там, – говорят, – разберешься»...

– Я?! Заорал?!

– А разве нет? На все слои Вселенной: «Ну, где ты, где ты?!» А я, наверно, был ближе всех. Шел там, как всегда, через поле... Мне и говорят: «Надо помочь этому... Заодно и на Земле побываешь, ты же хотел...»

«Какому такому «этому»?» – уязвленно подумал я. Но спросил о другом (тоже достаточно уязвленно):

– Ты, значит, не персональный мой ангел, а так... по назначению?

Он, кажется, опять хмыкнул, но незаметно, про себя.

– Персональные не у каждого есть. У немногих. Заслужить надо...

– Н-ну, понятно... – обижаться было глупо. И все же я спросил с поддевкой: – Как же ты собираешься помогать, если не в курсе дел? – И чуть не добавил: «Тут не пацаненок нужен, а взрослый ангел с юридическим дипломом».

Он то ли прочитал мои мысли, то ли догадался. Опять – «смотровые щели».

– За дурака меня держишь, да?

Я струхнул. Все это, конечно, бред, но даже в бреду лучше не обижать ангелов.

– Да что ты... Пойми, я в таком ошарашенном состоянии...

– Приходи в нормальное, – буркнул он. – И давай о деле...

– Д-давай... Все рассказывать по порядку?

– Ага... Хотя нет. Дай сперва посмотрю твой компьютер.

Там, небось, куча информации...

Я засуетился на тахте.

– Сейчас встану, включу.

– Лежи... – Он обернулся, протянул к монитору ладонь, тот сразу засветился.

«Может, правда ангел? Жаль тогда, что это всего лишь иллюзия...» – И тут же я мысленно умолк: вдруг опять прочитает, что думаю. Но «ангел по назначению» на мои размышления больше не реагировал. Устроился с ногами на вертящемся стуле (вернее, полустуле-полукресле) перед компьютерным столом, крутнулся (явно с удовольствием), помахал пальцами перед экраном. По тому сразу побежали строчки,

так быстро, что я не разобрал, какой файл открылся.

С минуту было тихо (только негромкие машины за окном). Июньские лучи прорывались через растущий за окном высоченный клен и вымытые Лидией стекла. Белело перо, празднично искрились осколки фужеров. Хорошо, что мальчишка не наступил на стекла. Сейчас его голая до колена и босая нога торчала из-за подлокотника стула. Ступня была не очень чистая – видать, он так, босиком, и бродил по каким-то там полям... Кажется, он ощутил мой взгляд, как щекотку, пошевелил ступней. Я перевел глаза на его спину. Лопатки колюче торчали под натянувшейся полупрозрачной рубахой. И можно было различить, что больше на мальчишке ничего нет. Наверно, такие вот легкие длинные сорочки – это что-то вроде ангельской униформы... А детских парикмахерских там, на небесах, судя по его лохмам, нет...

Глядя на заросший затылок, я спросил:

– Слушай, а как мне к тебе обращаться? Просто «Ангел»? Или «Ангел-хранитель»?

Он шевельнул спиной:

– Меня зовут Вовка.

– М-м... Просто Вовка? Или с каким-нибудь чином?

– Да Вовка я, вот и все! Вовка Тарасов... Пожалуйста, не мешай пока...

Я захлопнул рот. И подумал, что для сна или бреда все это тянется слишком долго. А что, если этот приступ опасен? Может, позвонить в психушку?

– Чево-о? – сказал он, не оборачиваясь. – Не вздумай! Наделаешь лишних забот... – И строчки на экране помчались с удвоенной скоростью. А потом вдруг замерли. И ангел Вовка замер, закаменел. Меня встревожила эта закаменелость. Напугала даже. И чтобы разбить ее, я опять сунулся с вопросом.

– Вовка, а ты всегда жил *там*? Ну, на небесах... Или попал туда с Земли?

– Чево-о? – опять досадливо протянул он. – С Земли, конечно. Два года назад... Иван, я все просмотрел. Паршивые у тебя дела... – Он крутнулся ко мне и спустил ноги.

– Сам знаю, что паршивые. Иначе зачем бы звал? – Я слегка разозлился.

– Ты не знаешь, какие они паршивые, до конца... Тут я ничего не сделаю, придется переть к этому... к твоему Махневскому.

– Он такой же мой, как...

Ангел Вовка поморщился:

– Да ладно, не в этом дело. Лишь бы успеть...

– А как ты к нему проникнешь? Через какое-нибудь это... подпространство?

– Какое еще пространство! Начитался фантастики... У тебя есть велик?... Ну, я так и знал, что нет. Придётся пёхом...

«Вот так он и уйдет, – подумал я. – И пропадет навсегда...» – и стало грустно, словно кончался не бред, а славная такая сказка.

Вовка прыгнул с высокого стула, потянулся.

– Пойду...

«А если это по правде, то что он там будет делать, у Махневского?»

– Там поглядим, – хмуро сказал он.

Стало досадно, что он опять влез в мои мысли. И я спросил с подковыркой:

– А как пойдешь по улице? В этом балахоне...

Он хлопнул себя по лбу.

– Елки-палки! Я и забыл!

– Смени обмундирование, а то загребут в психдиспансер.

– Как я сменю-то?!

– А это... с помощью ангельского волшебства. Разве нельзя? – Я помнил, как он управился с крыльями.

– Я не могу тратить энергию на себя. Я же не свой собственный ангел... Иван, а может, у тебя есть что-то подходящее? Ну, от твоих детских лет?

– Есть, конечно, – сказал я с ностальгическим вздохом. – Только далеко, в Тальске. У мамы...

– И правда далеко, – серьезно кивнул он. – Иван, а тогда... может, сходишь в какой-нибудь «Детский мир»? Мне много не надо, лето на дворе... Или денег совсем уже нет?

Деньги еще были. То есть не было «стратегических» сумм, но на бытовые мелочи пока оставались. И я понял, что сейчас по правде пойду в «Детский мир» (кстати, недалеко, в двух кварталах). Потому что вдруг отключился от мыслей о бреде и видениях и все уже воспринимал всерьез. Будто так

и надо. Будто дома у меня оказался мальчишка, по непонятной причине оставшийся без одежды, и его необходимо выручить из беды.

– Ладно, только ты никуда не исчезай!

– Чево-о? Куда я исчезну в этом-то? – он дернул себя за рубаху. Прыгнул на тахту, сел, обнял себя за колени. – Только ты скорее, ладно?.. А к тебе никто не придет?

– Никто.

Я захлопнул дверь, сбежал с третьего этажа и с ощущением полной реальности всех событий зашагал к магазину по нашей «почти центральной» улице Тургенева. Было начало июня, стояла жара, пахло политым асфальтом. Доцветала сирень.

В «Детском мире» было немногочисленно и работали кондиционеры. Хорошо... Однако, оказавшись в секции «Одежда для мальчиков», я ощутил вязкую нерешительность. Никогда не приходилось мне покупать шмотки для мальчишек. За кого меня примут? За папашу? Пожалуй, не тяну по внешности. За старшего брата? Но такие заботы – не для братьев. И вообще это не мужское дело. Еще подумают что-нибудь не то, время наше – подозрительное... К тому же я не представлял, как называются нынешние ребячьи шмотки.

Я заоглядывался. И почти сразу увидел тощего мальчика лет двенадцати – и ростом, и даже светлыми волосами похожего на Вовку (только причесанного). Он был рядом с молодой и весьма привлекательной женщиной. Я собрал все запасы любезности и, стараясь не дышать «Тайным советником», подъехал с просьбой:

– Сударыня, вы не помогли бы мне маленькой консультацией?

Она заулыбалась в ответ на «сударыню»:

– Охотно, сударь. В чем проблема?

– Волею судьбы на меня был низвергнут племянник. Совершенно неожиданно. Из Воркуты. Там еще арктическая погода. Сложилось так, что ему не успели собрать никакой летней одежды, и мне выпало теперь взять на себя его гарде-

робные хлопоты. А опыта ни малейшего...

– Опыт – дело наживное. Что вам хотелось бы купить?

– Что-нибудь как на вашем мальчике... Наверно, ваш брат?

Она заулыбалась еще лучистее, а мальчик сообщил с чуть ревнивой гордостью:

– Это мама. – Он взял маму за локоть и бесстрашно прижался щекой к ее плечу (и это понравилось мне, потому что и сам я когда-то делал так же, не боясь насмешек).

– Никогда бы не поверил, – снова галантно польстил я.

На мальчике была просторная алая футболка с большим рисунком: закованный в серые латы конный рыцарь с перьями. И штаны американского фасона, которые теперь носят многие мальчишки, – длиной пониже колен, со всякими хлястиками и висюльками внизу, с десятком просторных карманов на всех местах. Пожалуй, самое то: если слегка ошибешься в размере, роли не играет.

Милая женщина помогла мне выбрать штаны и футболку, прикидывая на сына Аркашу, потом спросила, не нужно ли белье.

– Да, конечно! – сообразил я.

После этого купили обувь. Я сперва хотел кроссовки, но Аркашина мама заметила, что если не известен точный размер, лучше взять сандалии-плетенки, у них можно регулировать задние ремешки. (И вообще для ангелов сандалии подходят больше, почти библейская обувь, подумал я. И внутри

опять все ухнуло от фантастичности происходящего. Но... ухнуло и отпустило.)

Купили еще красные (под цвет футболки) носочки и того же цвета кепку-бейсболку с ремешком на затылке и надписью «New Zealand».

После этого я, позабыв про «Тайного советника», горячо пожелал молодой Аркашиной маме всяческого процветания, а самому Аркаше – радостного лета. («А какое будет лето *у меня?*» – кольнуло под сердцем.)

По дороге к дому реальное понимание вещей взяло верх. Я осознал, что Вовкино появление было чем-то вроде очень похожего на явь затяжного сна: такие, говорят, случаются при сочетании всяких синхронно действующих на мозги факторов. Сейчас главное – спрятать и потом сплавить куда-нибудь купленную ребячью одёжку, чтобы не увидела Лидия. Потому что ясно же: приду – и никакого Вовки нет (как и не было).

...Вовка был. Он по-прежнему сидел на тахте, только уже не в своей ангельской сорочке, а в моем махровом халате. Значит, побывал в ванной, отыскал.

Я глядел на него с великой досадой, страхом и... облегчением.

А он глядел непонятно.

Потом сумрачно сообщил:

– Там какая-то тетенька пришла. Отперла дверь, уставилась на меня: «Ты кто, мальчик?» Я говорю: «А вы кто?»

Она: «Я, между прочим, здесь живу...»

– А ты что? – глупо спросил я с упавшим сердцем. Какая холера принесла Лидию днем с работы? Никогда она так не делала! Может, забоялась, что я тут отдам концы от переживаний?

– Я говорю: «К Ивану пришел, по делам». – «А почему ты в таком виде?» – «Так получилось. Он придет из магазина, объяснит».

– А она? – сказал я глупее прежнего.

– А она... – И он очень похоже изобразил Лидию: – «Пре-красно. Когда явится, пусть зайдет ко мне».

«Ко мне» – это в соседнюю комнату, нашу спальню. Я отчетливо представил, с каким лицом она сидит сейчас на кровати. Вот тебе и ангел-хранитель! Лишняя боль на мою несчастную голову!..

Я бросил ему «детмировский» пакет.

– Одевайся...

И пошел объясняться. Плотно прикрыл за собой дверь.

Как я и ждал, Лидия каменно сидела на кровати. С *тем самым* лицом.

– Ну? – сказала она.

– Что? – сказал я.

– Не прикидывайся идиотом.

– Раньше ты говорила, что я не прикидываюсь, а на самом деле, – напомнил я.

Лидия слегка расслабилась, подтянула ноги, пошевели-

ла пальцами в прозрачных колготках. Сквозь колготки был виден вишневый педикюр. Она склонила голову к плечу и спросила почти ласково:

– И давно у тебя такая склонность? С армейской поры или после недавних потрясений?

– Что? – опять сказал я.

– Я могла заподозрить всякое. Но то, что ты в мое отсутствие развлекаешься с мальчиками...

– Ду-ура!.. – сдавленно взвыл я, чтобы обрести перевес. – Ты что такое думаешь-то! Рехнулась?

– А что я должна думать? Прихожу, в комнате погром и сидит этот отрок, в твоём халате, под которым – ничего. Я это отметила сразу, я массажист, у меня наметанный взгляд...

– Он у тебя чересчур наметанный! На мужиков и мальчиков...

– Не хами, моя радость. Лучше объясни, где его одежда.

– Не было! – опять взвыл я. – Не было никакой одежды, пока я не купил! Поймы ты это!

Как Лидия могла такое понять? Она смотрела на меня с сожалением.

– Ты хочешь сказать, что он явился к тебе в голом виде? Свалился с потолка? Как ангел небесный?

Я не стал уточнять насчет рубахи.

– Именно так! Именно ангел! И-мен-но! А ну, пошли! – Я дернул Лидию за руку с такой силой, что она не успела

заупрямиться. Потасил в свою комнату.

Лучше всего, если бы Вовки там не оказалось. Растаял, растворился в эфире – и нет никакого спроса. Но, конечно, он не растворился, сидел на тахте. Правда, был это уже не прежний Вовка, а обыкновенный пацан – в обширных бриджах из ткани-плащевки, в красной футболке с густо оперенным вождем-ирокезом на груди, даже в бейсболке, надетой козырьком назад. Только обуться он не успел. Видимо, хотел натянуть носок и замер, услышав нашу приглушенную перепалку.

Не было времени для долгих речей.

– Вовка! Это Лидия! Конечно, она ни фига не верит! Докажи ей, кто ты есть! А то ведь она черт знает, что думает!

Вовка кулаком с зажатым носком почесал подбородок, опасливо поднял глаза (они были теперь бледно-голубые).

– Как доказать-то?

– Как угодно! Ну... верни себе крылья, что ли...

– У-у, где теперь эти крылья, – озабоченно сказал Вовка. – Сколько времени надо... Может, как-нибудь по-другому?

– Как угодно! Ты же мой ангел-хранитель, должен защищать! А то ведь она меня живьем сожрет!

– Сожру, – подтвердила Лидия. Казалось, ее все это теперь забавляет.

Вовка глянул на нее, на меня. Малость виновато.

– Но придется истратить одну защиту.

Я ничего не понял.

– Хоть двадцать одну! Только скорее!

Вовка вытянул шею, левой рукой взлохматил затылок, а правую, с носком, выбросил вперед. Повел в пространстве будто алым платочком...

В комнате был кавардак: два опрокинутых стула, разгромленный шкаф, осколки стекла в этом шкафу и на полу. И вот стулья сами аккуратно встали у стен, осколки затрепетали, словно бабочки, стали слетаться, соединяться. Разбитые дверцы сделались целыми, пробоины в зеркальной стенке затянулись, невредимые фужеры с тонким звоном выстроились на стеклянной полке. Белое перо взлетело с пола и аккуратно легло рядом с компьютером. Закупоренная фляжка с остатками «Тайного советника» предательски выползла из-под тахты и встала на подоконнике. Перекошенные часы над дверью выпрямились, кукушка выглянула и нерешительно вякнула один раз – то ли с перепугу, то ли желая убедить нас, что времени ровно час (кстати, так и было).

Вовка устало выпустил сквозь толстые губы воздух и глянул вопросительно: «Ну, как?»

Я был полон беззвучного торжества. Но Лидия... Надо знать эту железную леди! Если она и была изумлена, то не подала вида.

– Тоже мне, Хоттабыч из пятого «бэ»...

Вовка пожал плечами и с обиженным видом начал было надевать носок.

– Стоп! – металлическим голосом скомандовала Лидия. –

Ты что делаешь?

– А... что? – он испуганно смотрел исподлобья.

– Может быть, там, где вы, ангелы, обитаете, позволено натягивать носки на грязные лапы, а здесь это не пройдет. Марш в ванную... Да повесь на место халат.

Вовка не заспорил. Взял халат и побрел из комнаты, будто обыкновенный мальчишка, робеющий перед строгой тетушкой. Стало слышно, как он пустил из крана воду.

– Чего ты с ним так сурово? Ангел все-таки... – сказал я.

Она первый раз взглянула не меня по-человечески, с нерешительным вопросом.

– А что... неужели он правда... *такое явление*?

– Вот именно явление. Свалился откуда-то, весь в белых перьях, в длинной рубаше... Куда он ее дел, интересно? Вслед за крыльями, что ли?

– И ты... правда веришь, что он твой хранитель?

– Он это утверждает. Говорит, что послали на помощь...

– Кто послал?

Я пожал плечами.

– Господи, а чем он может помочь? – как-то по-бабьи выговорила Лилия. – Совсем дитя. Это ведь не фужеры склеивать. Там из него... фарш сделают. Ваня, не пускай его...

– Я попробую, да. Только...

В этот миг Вовка заголосил из ванной:

– Тетя Лидия! Чем тут можно вытереть ноги?

Ее он называл тетей и говорил «вы», не то что мне. Она

опять превратилась в строгую тетушку:

– Внизу, на трубе батареи, серое полотенце. Вытирай крепче, чтобы не наследить.

Вовка появился, дурашливо шлепая сухими чистыми ступнями. Сел, опять взялся за носки. И тогда я сказал:

– Вов, не ходил бы ты туда. Ну его к черту, этого Махневского, перетопчемся как-нибудь...

Он смотрел, явно не понимая меня. Потом двумя рывками натянул носки, вскинул соломенную голову, уперся в тахту кулаками.

– Смеешься, да? Меня, что ли, на экскурсию послали? У меня задание!

– Шут с ним, с заданием! Хочешь, я расписку дам, что сам отказался... от этого, от твоей защиты?

Вовка сказал с легким пренебрежением:

– Ты чего боишься-то?

– За тебя боюсь! Там же охрана, такие амбалы, бывшие спецы. Хорошо, если просто не пропустят. А если поймут, кто ты и зачем? Никакой ангельский чин не поможет.

– Чево-о? – меня опять резанула синева смотровых щелей.

И стало ясно – мне и Лидии, – что дальнейшие разговоры бесполезны.

Вовка застегнул сандалии, с удовольствием потоптался. Сказал примирительно:

– В самый раз. Спасибо, Иван... Ну, я пойду, пора...

Лидия оставалась Лидией в любых ситуациях.

– Стой. А ты обедал?

«Разве ангелы обедают»? – глупо подумалось мне. Но Вовка смущенно засопел:

– Вообще-то... нет, конечно...

– Иван, достань из холодильника суп и котлеты. Суп – на плиту, котлеты в – микроволновку.

Вовка сморщил нос.

– А можно без супа? Я его не люблю.

Лидия глянула на меня, словно это я подговорил Вовку.

– Два сапога пара!

Я суетливо предложил заменить суп глазуньей с помидорами. Вовка одобрил, даже подпрыгнул.

– Дети... – вздохнула Лидия, но спорить не стала. Даже сказала, что приготовит компот из консервов.

Мы с Вовкой пообедали вдвоем на кухне. Быстро и молча. Лидия днем не ела, берегла талию. После компота Вовка сказал спасибо и вытер ладонью рот. Ойкнул под взглядом Лидии и вытер ладонь о новые штаны. Ойкнул опять. Уронив табурет, выбрался из-за стола. Еще раз сказал спасибо и:

– Ну, я пошел. Дел-то куча...

«Вернешься?» – хотел спросить я и не решился. Честное слово, меня в тот момент беспокоили не столько дела, сколько сам факт: вернется ли Вовка? Лидия была решительнее:

– Когда тебя ждать обратно?

– Вечером, – с пониманием откликнулся он. Как домашний мальчик, которого надолго отпускают гулять. – Если

сильно задержусь, позвоню.

– У тебя что, карточка для автомата? Или мобильник? – не отставала Лидия.

– Чево-о? Какой мобильник? Я вот так... – Он лодочкой приложил к уху ладонь. В этот же миг в комнате заиграл Моцарта мой сотовый телефон. Я машинально бросился на сигнал, схватил с подоконника трубку.

– Алло! – раздался в ней Вовкин голос. – Проверка связи... Иван, я пошел. Пока! – И сразу хлопнули двери: в кухне, в прихожей.

– Ни пуха, ни пера, – беспомощно сказал я в замолкший телефон и нажал кнопку отбоя. А что еще я мог?

Вошла Лидия, встала рядом у окна. Мы смотрели вниз, на тротуар. Вовка вышел из подъезда и зашагал вдоль газона. Беззаботный такой мальчишка. Надел на палец бейсболку и крутил ее на ходу. Как-то нехорошо защемило у меня в груди. Лидия прошла по мне глазами.

– Ты вот что, дорогой, полежи и тихо посопи в подушку. Не думай ни о чем. Тебе полезно отдохнуть. А я – на работу.

Да, какие бы потрясения ни достигали нас, какие бы ангелы ни падали с потолка, а работа для нее – понятие нерушимое. Там стальной график. Там клиентура. В том числе весьма именитая.

Лидия прихватила с подоконника фляжку и пошла к двери.

– Оставь бутылочку-то! – взмолился я. – В ней всего ка-

пелька!

– Вот, – она показала мне украшенную маникюром дулю.

Когда Лидия ушла, я и правда брякнулся на тахту. Но легко сказать «не думай ни о чем». Думалось обо всем сразу. Безрадостно и беспокойно. Вовкино появление дало кое-какую надежду, но тревоги принесло гораздо больше. Необъяснимой, не связанной ни с какой логикой. И до сих пор я не понимал до конца: правда ли то, что случилось, или... непонятно что.

Я встал, поматывая головой, заправил рубашку, сунул в нагрудный карман мобильник (вдруг Вовка позвонит еще днем?). Вышел из дома. Побрел неведомо куда.

Лето царствовало вокруг, вдоль тротуара сидели тетушки, торговали ландышами, ромашками, незабудками. Встречные девушки улыбались приветливо и целомудренно. Пенсионеры подымали морщинистые лица и щурились на солнце. Пестрые ребяташки то обгоняли меня, то бежали навстречу. Я провожал их глазами.

Я и раньше всегда с интересом наблюдал за ребятами: как никак читатели журнала «Звонкое утро», для них тружусь. И к тому же они герои одной давней повести – ненужной, потерянной, но все же не забытой до конца. Но теперь я взглядывал на них по-особому: многие мальчишки мне казались похожими на Вовку... Где он сейчас, что с ним? Я даже повел себя совсем по-дурацки – вытащил мобильник, набрал имя «Вовка» и сказал в светящийся квадратик дисплея:

– Ты где? Что делаешь? Как ты там?

Конечно, Вовка не услышал, я ведь не обладал ангельским волшебством. А может, ему просто было не до меня...

Я поболтался по бульвару, по скверам и набережной. Набережная наша солидная, как у Невы, с облицовкой, с решетками и каменными шарами, а речка – мелкая и заплыванная. Лучше бы потратили деньги на очистку, чем на гранитную показуху... Время сперва еле ползло, но потом вдруг смилостивилось, и я увидел, что уже начало седьмого.

Это ведь уже вечер, хотя солнце и жарит как днем! Вдруг Вовка вернулся и ждет меня? В том, что он легко попадет в квартиру без ключа, я не сомневался.

Вовка ждал меня на третьем этаже у двери. Насупленно сидел на полу, прижимаясь лопатками к обшарпанной стене и подтянув ноги. Из-под штанин торчали крепко побитые колени, незагорелые икры были в продольных и поперечных царапинах и в синяках. Но самый большой синяк темнел на левой скуле. Она слегка припухла. Вовка неласково глянул снизу вверх:

– Наконец-то. Надо было дать мне ключ, если собрался уходить.

– Откуда я знал, что он тебе нужен? Первый раз ты вон как проник! Прямо через стену...

– То первый, а то... не первый... – Вовка поднялся, покряхтывая, как бабка с радикулитом. Я торопливо отпер двери – железную и простую, – впустил его, шагнул следом. Щелкнул в темной прихожей выключателем.

Расспрашивать Вовку не имело смысла, и без того все ясно. Победители так не выглядят. Вовка шагнул в ванную, открыл кран с холодной водой, начал мокрой ладонью гладить щеку. Я сказал ему в спину:

– Говорил ведь, не суйся туда, не будет никакого результата.

– Чево-о? – Он обернулся, глянул одним сырым глазом (второй был закрыт прижатыми пальцами). – Кто сказал, что

нету результата?

У меня под сердцем что-то ёкнуло, щелкнуло, вмиг раскрывся этакий бутончик надежды. Однако я пробубнил прежним тоном, по инерции:

– Ага, вижу я... Особо тот «результат», который мочишь.

Вовка глянул уже двумя глазами (оба мокрые, с загустевшей синевой). На ресницах блестели капли – может, не от воды, а от обиды? Он огрызнулся:

– А кто знал, что у этого твоего Махневского тоже есть ангел-хранитель?

– Значит, ты *с ним* сцепился? – осенило меня.

Надо было скорее узнать про главное, но как-то неловко было тормозить своего побитого ангела. Следовало посочувствовать ему. Да я и впрямь сочувствовал.

– А с кем еще? – проговорил он с сопеньем. – Не с охранной же! Видел я ее... в одном месте... И твоего Махневского тоже.

– Да почему «моего»! – наконец возмутился я.

– По старой памяти, – хмыкнул Вовка. Сдернул с крючка полотенце и начал осторожно вытирать лицо. И сообщил сквозь махровую ткань: – Охрану-то я обошел, это раз плюнуть. И тех, кто внутри. А дальше...

Он повесил полотенце, обогнул меня и отправился в мою комнату. Тряхнул ступнями, сбрасывая сандалии, забрался с ногами на тахту. Я нервно уселся на вертящийся стул. Вовка поморщился, трогая мизинцем колени. Выудил из-под ди-

ванной подушки пневматический револьвер, прокрутил его на пальце, равнодушно сунул обратно. Я начал злиться. Ведь знает же, в каком я нетерпении, а тянет резину!

Он глянул сквозь непросохшие ресницы.

– Я не нарочно тяну, а это... собираюсь с мыслями. Чтобы по порядку... В общем, прошел я незаметно мимо всех, подхожу к двери с табличкой «С.Ю.Махневский», она закрыта. Запустил в замок палец, чтобы отпереть...

«Что же ты здесь-то не запустил, сидел и ждал», – мелькнуло у меня.

– Здесь я не мог. Потому что это было бы *для меня*. А там *для тебя* ...

«Вот паразит, читает мысли!»

– Ничего я не читаю, просто догадываюсь... Начал ковырять, а тут сквозь дверь этот... который *его* ... Нос к носу. И говорит: «Чё надо? А ну вали отсюда». Конечно, мы сразу догадались друг про друга...

Хоть и горел я нетерпеньем, а вставил вопрос:

– Он что, вроде тебя?

– Ну, вроде. Ростом такой же. Только рыжий и курчавый. И кулаки побольше... Я говорю: «Сам вали. Не к тебе пришел». А он: «Пойдем, разберемся». Я говорю: «Подумаешь, напугал. Пойдем». Потому что чего еще делать то?.. Пошли в туалет, большой такой, все блестит, и людей никого нет. Он мне сразу шарах вот сюда... – Вовка опять потрогал скулу, коротко попыхтел. – А я ему коленом... в подходящее место.

Вообще-то я не очень умею драться, но тут... это самое... мобилизовался... Он согнулся, зашипел и своим башмаком по колену мне! Я присел и снизу ему по уху... Мы схватились, покатались по полу, потом расцепились. Посидели, поглядели друг на дружку. Он спрашивает: «Может, поговорим?..» Ну, сели на подоконник, поговорили...

– И... получилось?

– Ага... Два пацана скорее договорятся, чем два взрослых дядьки, потому что в мозгах не всякие дивиденды и прибыли, а еще кое-что человеческое...

«Философ», – мелькнуло у меня, и эту мысль Вовка, видимо, не угадал. Или не обратил внимания. И сообщил наконец главное:

– В общем, квартиру можешь не продавать. Долги твои там поуменьшатся... Конечно, это пока небольшой результат, но все-таки...

Ничего себе «небольшой результат». Я возрадовался, как пацаненок, которому объявили об отмене порки. Крутнулся на сиденье и сделал два оборота. И сразу испугался:

– Вовка, а ты думаешь, Стас... то есть Махневский, послушает этого...

– Егора...

– Ага, Егора! Послушает?

– Уже послушал... А может, просто подчинился внешнему. Немому... Не знаю... Егор ушел, а я заперся в кабинке и ждал, когда он вернется. Он пришел опять и сказал... то,

что я тебе сейчас...

– Вов, а это точно, да?

На секунду он опять впери́л в меня синие «смотровые щели».

– Иван, я отвечаю за свои дела. Я на задании...

– Извини, – с великим облегчением попросил я.

Если останется квартира, все можно будет наладить в жизни. Устроюсь в какое-нибудь издательство, пусть хотя бы корректором. Или младшим редактором на ТВ, однажды меня звали на местный канал. А то, глядишь, и в «Ньюэлектрике» перестанут злиться, позовут обратно...

– Завтра начну копать дальше, – пообещал Вовка. – Все вернуть, конечно, не удастся, вы с вашим «Звонким утром» столько всего... прозвонили... Ну, хоть что-нибудь... – Он опять выудил из-под подушки револьвер «Пикколо».

– Аккуратнее, не нажми спуск...

– Я остороженько, – пообещал Вовка. И нажал. Пуля с воем ушла в открытую форточку. Сбила листья с клена. Сквозь ветки, перепуганно мявкая, канул вниз соседский кот Елисей – он добирался до уровня четвертого этажа, где обитала его пассия, ангорская Нюрочка. Из часов ошалело выскочила кукушка и прокричала девять раз, хотя было пять минут восьмого.

Я отобрал у струхнувшего Вовки револьвер и спрятал в карман.

– Я нечаянно... – пробормотал провинившийся ангел.

– Вовка, а почему этот Егор... он ведь должен охранять Стаса, а вдруг взялся помогать тебе? И мне...

– Не тебе и не мне, а ему. Стасу... Он ведь должен заботиться не только о махневских прибылях, а еще чтобы тот хоть маленько оставался человеком. Если не поздно...

«Может, еще не поздно?» – мелькнуло у меня.

– Вов, а он, Егор-то, у Махневского кто? Постоянный ангел-хранитель или тоже... по командировке?

Вовка вдруг заметно надулся:

– Откуда я знаю? Мы не про это говорили...

Кажется, я что-то не то сказал. Но разве угадаешь, о чем позволено говорить с ангелами, а о чем не надо? Я думал, как замять неловкость, а он вдруг спросил – совсем уже другим тоном, смущенно так:

– Иван, у вас нет кассеты «Приключения Буратино»? Это мое любимое кино.

– М-м... нету...

Видеокассет было немало, но все из другого репертуара. Фильмы Феллини, всякая голливудская продукция (которую обожала Лилия), разные концертные записи...

– Может, поставить «Звездные войны»? Есть весь набор...

– Не-е... – Вовка поморщился.

Я засуетился:

– Да о чем разговор! Сейчас сгоняю в «Детский мир», там целый отдел таких кассет! «Буратино» есть наверняка.

– Не ходи! Он же дорогой, двухсерийный!

– Это надо же, мальчик говорит «дорогой»! – взвыл я с интонацией одесского обывателя. – После того, как мальчик вернул разорившемуся неудачнику его жилплощадь! – И сразу испугался: вдруг опять не так сказал?

Но Вовка засмеялся.

Я попросил уже из прихожей, торопливо надевая туфли:

– Поскучай немного, я вернусь через двадцать минут. На звонки не отвечай, никому не отпирай.

– И тете Лидии?

– У нее свои ключи!

...Когда я вернулся с кассетой, Лидия была дома и занималась Вовкиной «санобработкой». Он сидел на вертящемся стуле, как в зубоврачебном кресле. Лидия мазала ему скулу каким-то кремом. Оглянулась.

– Вместо того чтобы где-то шастать, мог бы оказать ребенку первую помощь. Он весь побитый и ободранный.

– В самом деле, свинство с моей стороны, – искренне покаялся я.

Лидия решительно засучила Вовкины штанины.

– Подними колени. Их что, тёркой драли? – И зазвякала пузырьками.

– Не надо, они уже засохли!

– Цыц.

– Только не йодом! – взвыл Вовка. – И не зеленкой!

– Не дергайся! Это перекись водорода, она не щиплет...

– Правда?

– Какие все мужики трусы. И взрослые, и мальчишки... и даже ангелы небесные.

Видимо, она до конца так и не прониклась, *кто* Вовка на самом деле. А я? Разве проникся полностью? Вовка он...

– Вовка, ты доверься Лидии, она специалист, – слегка подхалимски сказал я. Она заклеила торчащие колени пластырем и обернулась.

– Я не понимаю: почему ты все «Вовка» и «Вовка»? Разве нельзя обращаться к мальчику поинтеллигентнее?

– Он сам так назвался...

– Да, – защитил меня ангел-хранитель. – Я сам. А как еще? Не Вовочка же! И «Вову» я тоже не терплю.

– Может быть, Володя? Или Владимир в конце концов...

Он сморщился, будто правда сидел в кресле у дантиста.

– Ну хорошо, – произнесла Лидия тоном чеховской дамы (она любила иногда примерять на себя такие роли). – Я буду звать тебя на французский манер: Вольдемар. И не смей возражать.

Я сморщился не хуже Вовки. Но он вдруг весело согласился:

– Идет! Только вы называйте – «Вольдемар», а Иван все равно – «Вовка».

На том и порешили.

Я приволок из спальни телевизор-моноблок и засунул касету.

– До ужина никакого кино, – распорядилась Лидия. – Вольдемар, ты как относишься к вареникам с картофелем? Или сварить сосиски?

Вовка сказал серьезно:

– Я к любой земной еде хорошо отношусь... – Но тут же спохватился: – Кроме супа! А из *супов* я люблю только крошку. Бабушка готовила...

Что-то царапнуло меня, но Лидия сохранила невозмутимость:

– Учтем. Но сегодня у меня нет кваса.

Она сварила и вареники, и сосиски. Вовка умял то и другое, только пофыркивал над тарелками, за что получил замечание от Лидии. Потом она одобрительно сказала:

– В твоем возрасте надо есть побольше, ты слишком худ. «Ненормальная, что ли? Какой возраст, он же ангел! И ест, скорее всего, просто так, ради развлечения, чтобы окунуться в земные радости... А почему она не спросит, чего Вовка добился в наших делах? Неужели ей все равно? Или все еще не верит в него?»

Я увесисто проинформировал Лидию:

– Вовка сделал так, что не надо расставаться с квартирой.

– Я уже поняла это по вашим довольным лицам... Вольдемар, ты опять вытираешь руки о штаны? Вот салфетки!

– Ой... я нечаянно. Тетя Лидия, я не хочу чаю, спасибо. Можно я теперь включу «Буратино»?

5

Я помог Лидии вымыть посуду. Над мойкой журчала вода, и под этот ровный шума Лидия наконец сказала вполголоса:

– Ты не думай, что я совсем твердокаменная. Или будто мне все равно. Просто я все еще не могу поверить... А ты веришь?

– Да. Я видел его крылья... Хотя и не в крыльях дело, и не в фокусах с фужерами и телефоном. Просто я почему-то верю *ему* ...

«Сейчас она скажет: ты всегда был фантазером и лириком».

Она сказала:

– Знаешь, теперь я, кажется, тоже верю... Только...

– Что?

– Мне почему-то его жаль.

– Почему? – шепотом испугался я, поскольку понял: ведь и во мне где-то глубоко-глубоко шевелилось похожее. И непонятная жалость, и тревога какая-то. Правда, ощущалось это не сильно и лишь изредка. Например, когда он спросил про «Буратино»...

– Ему же ничего не грозит, – успокоил я Лидию и себя. – А нам... а у нас все будет хорошо, я теперь уверен.

Она отозвалась рассеянно:

– Дело не в том, грозит нам что-то или не грозит... Ва-

ня, я, пожалуй, прилягу. Так умоталась сегодня, да еще все эти... события. Почитаю Донцову... Ну не морщи нос, что делать, если я люблю детективы... Тебя я тоже люблю.

– Но детективы больше...

– Дурень... – Она чмокнула меня в щеку.

– Словно орден, – сказал я с удовольствием.

– Господи, какой ты еще мальчишка.

Лидия улеглась капитально, раздевшись, будто уже на ночь. Взяла книгу. Включила над спинкой кровати фонарик-тюльпан, хотя было еще светлым-светло, белая многоэтажка за окном отражала вечернее солнце.

В моей комнате лиса Алиса и кот Базилио пели:

Какое небо голубое...

Мы не сторонники разбоя!

Я подумал о Махневском, но как-то отстраненно. Посидел на краю кровати и пошел туда, где телевизор.

Вовка опять устроился с ногами на сиденье компьютерного стула, метрах в двух от телевизора. «Не слишком ли близко? Хотя ему, наверно, никакие излучения не страшны...» На экране разбойники кот и лиса гнались за перепуганным Буратино. Вовка напряженно вцепился в подлокотники. Но, почуввав мое появление, оглянулся и с пониманием сказал:

– Тебе, наверно, нужен стул? Я пересяду.

– Да, если нетрудно, переселись на тахту, я посижу у ком-

пьютера.

Он одним прыжком переселился и замер опять, обхватив колени с белыми нашлепками пластыря. Отражения экрана мерцали в его округлившись, посветлевших глазах. Бура-тино в данный момент был для Вовки гораздо важнее, чем я.

Ну что же... Я вошел в Интернет, начал шарить по новостям.

«В Самаре взорван рынок»... (Сволочи! Уж не «дешевых» ли это дело? Хотя Самара далеко.) А вот еще: «В Екатеринбурге убит хозяин Ботанического рынка...» (Это уже ближе. Совсем озверели гады...) «Умерла мать погибшей принцессы Дианы и бабушка наследников британского престола»... (Мир ее праху, пишут, что добрая была женщина). «Российские ветеринары запретили ввоз мяса из Европы»... (Черт их знает, в чем там истинная причина. Главное, что мясо подорожает. Впрочем, не привыкать.) Ни к чему было не привыкать. Все в мире шло как обычно. Стреляли, взрывали, воровали, врали. Самолеты и вертолеты падали. Чиновники брали взятки (видимо, по привычке; казалось бы, у них и так все есть), милиция творила обычный беспредел, палестинцы нападали на израильтян, израильтяне обстреливали палестинцев, американский президент оправдывал свои дела в Ираке, наш мэр хвастался ростом жилищного строительства (скромно умалчивая, сколько стоят квартиры в новых домах)... Ну, черт с ним, с мэром, и со всем остальным миром... «С мэром и с миром...» Я переключил-

ся на новости науки. Может, наконец поймали снежного человека? Или повстречались с экипажем какого-нибудь НЛО? Увы... Зато «астрономическое» сообщение с восклицательными знаками:

«Днем 8 июня планета Венера окажется на прямой линии между Солнцем и Землей. Можно будет наблюдать, как она проходит по солнечному диску. Любители небесной механики, не пропустите это интереснейшее явление!»

Мама моя родная! Как я мог забыть? Ведь помнил про это редчайшее событие давным-давно, еще в армии! Столько привязывал к нему! И вот, вышибло из головы... Впрочем, немудрено, что вышибло. При таких делах свое имя-отчество забудешь, не то что Венеру... Хорошо, что дела обещают хоть как-то наладиться. Господи, как здорово, что есть на свете Вовка!

Я повернулся к нему. Вовка сидел расслабившись: как раз кончилась первая серия и на экране ползли неинтересные тире. Мы встретились глазами, Вовка улыбнулся. Я понял: надо сказать что-то хорошее. Что?..

И в этот момент возникла в дверях Лидия – в шелестящем атласном халате, с подушкой, одеялом и простынями.

– Вольдемар, сокровище мое, встань на минутку, я приготовлю тебе постель.

– Тетя Лидия, давайте я сам!

Она величественно объяснила:

– Молодой человек, здесь не пионерский лагерь. Сте-

лить постели детям в семье – женское дело, это традиция... Брысь...

Вовка стремительно сделал «брысь». Неловко переступая и посапывая, смотрел, как Лидия накрывает тахту простынями и одеялом, взбивает подушку. Потом сказал полусепотом:

– Спасибо, тетя Лидия.

Я подумал, что он ни разу не назвал ее попросту, «тетя Лида». И правильно: никакая она не Лида, а именно Лидия. Так я и сам ее называл...

«Бу-ра-ти-но! Бу-ра-ти-но!...» – скандировал телевизор.

– Досмотришь кино, и сразу спать, – распорядилась Лидия. И пошла к дверям.

– Хорошо, тетя Лидия, – сказал ей в спину Вовка. Будто послушный племянник в гостях у тетушки. Он оглянулась.

– Иван, ты тоже не сиди долго.

– Хорошо, тетя Лидия...

Вовка прыснул в кулак.

Я и правда не стал сидеть долго. Сказал Вовке, чтобы после фильма не забыл выключить телевизор, и ушел в спальню. Лидия читала (или делала вид). Я разделся, но было почему-то неловко укладываться «по-супружески», словно Вовка мог нас видеть из соседней комнаты (а может, и правда мог?). Я натянул пижамные штаны и лег поверх покрывала, на краешке кровати. Лидия покосилась понимающе и ничего не сказала.

Многоэтажка за окном светилась, как айсберг. Телевизор стал почти не слышен – Вовка деликатно убавил звук. Я закрыл глаза. Сразу кубарем покатались мысли про невероятные сегодняшние события – вперемешку со страхами, надеждами и вновь ощетинившимися вопросами: «Неужели *такое* может быть? Неужели он в самом деле *оттуда*? Господи, откуда *оттуда*?..» Потом вдруг задребезжала в мозгах гитарная мелодия старой песни:

«Духи» школу спалили в предгорье,
Дым слоится там сизым пластом...
На дороге учебник истории
Шелестит обгорелым листом...

Это уже не имело отношения к нынешним делам и к Вовке. Имело отношение к Венере. И к армейскому времени... Я тряхнул головой, прогоняя струнный звон и строчки. Лидия сбоку глянула на меня:

- Приснилось что-то?
- Разве я спал?
- Здрате. Даже похрапывал... Ваня, мне что-то не по себе. Думаю: как там *он*?
- Ну что «как»? Смотрит «Буратину»...
- «Буратина» давно кончилась. Я боюсь, что он сидит у компьютера и гоняет «игрушки»...
- Ну и что? Он же не обычное дитя, которому «на горшок и спать». Знает, что делать...

– Ваня, сходи все же, глянь...

Я сразу встал. Понял, чего боится Лидия, и сам испугался того же: вдруг *его* там нет? Исчез, растворился в пространствах Вселенной...

Пошел на цыпочках, двинул подло запищавшую дверь... Боялись мы с Лидией напрасно: Вовка не растворился. И даже не сидел у компьютера, а честно улегся в постель («Хорошо, тетя Лидия»). Откинул одеяло, укрылся до подбородка одной простыней и лежал на спине. Даже несмотря на клен за окном, в комнате было светло. Июньские ночи у нас почти как в Петербурге, без темноты. Я увидел, как блестят Вовкины открытые глаза.

– Не спишь?

– Не-а... – выдохнул он.

Над головой у меня выскочила из часов кукушка, вякнула один раз: половина двенадцатого.

– Может, отключить эту птицу? Чтоб не мешала.

– Она не мешает... Иван, посиди со мной, – вдруг шепотом сказал Вовка. Я тут же дернул вертящийся стул, подкатил к тахте, уселся: вот, мол, я; не бойся, Вовка, я с тобой... Хотя... Господи, а чего могут бояться ангелы-хранители?

Он серьезно сказал:

– Я не боюсь. Я... просто... У тебя ведь куча вопросов, да?

– Еще бы! – сразу признался я.

– Ты... тогда спрашивай. Конечно, я сам не знаю про мно-

го всего, но что знаю, расскажу. Тут нету никаких военных тайн...

Наконец-то!.. А что спрашивать? С чего начать?

– Вовка... тебе трудно пришлось нынче, да?

– Чево-о? Подумаешь, подрались малость... Ты не бойся, насчет квартиры я правду сказал.

– Да я и не боюсь! Я не об этом...

– А завтра я попробую еще... чего-нибудь...

– Вовка, ты Расскажи о себе. Как ты стал... *таким* ...

Он подышал из-под кромки простыни.

– А чего я... Ну, я раньше жил в Сургуте, с родителями. Но они давно умерли. Отец от рака, а мама скоро простудилась и тоже... Мне шесть лет было. Меня сперва в детский дом... А потом отсюда приехала бабушка, мама отца. Она с родителями не очень ладила почему-то, но, когда их не стало, забрала меня к себе, привезла сюда. Сказала: «Это где же видано, чтобы родной внук болтался по приютам»... Сперва меня не хотели ей отдавать, говорили: старая, мол. Но она такой скандал устроила!.. Хотя я это плохо помню...

– Хорошая бабушка, да? – вставил я, потому что Вовка вдруг замолчал.

– Ага, хорошая... ну, всякая... Иногда ругала за двойки или когда подолгу на улице бегал, даже отлупить грозилась. Но ни разу не отлупила... Ваня, знаешь что?

– Что? – шепнул я. (Он впервые мне сказал не «Иван», а «Ваня». Случайно?)

– По правде говоря, я не так уж ее любил. Бывало, что она как-то... каменела. Купит чекушку, сядет за стол, нальет рюмку и глядит перед собой долго-долго. Я спрошу чего-нибудь, а она: «Иди, не мешай мне пока». Хотя это нечасто было, но все равно... Знаешь, я даже не очень плакал, когда она умерла...

– А когда это случилось?

– В две тыщи втором году. Мне одиннадцать лет было... Я тогда испугался: куда меня теперь денут, из этого дома? Дом-то я очень-очень любил, больше, чем бабушку. Будто он живой... Он большой такой, столетний, скрипучий, с разными закоулками и лесенками. Я там играл и всякие сказки сочинял... Например, придумал, что в этом доме живут гномы. Сперва они будто жили в заброшенных вагонах на старой станции, а потом перебрались в дом... Ваня, ты чего? – тревожно спросил он, потому что я вздрогнул.

– Все в порядке... А что было дальше?

– Дальше было нормально. Приехала из Тюмени бабушкина дочь, моя тетка. Папина сестра. Я про нее раньше и не слышал. Оказалось, что неплохая тетка. Осталась жить в этом доме, потому что была одинокая, разведенная. Молодая еще, вроде тети Лидии... Я, наверно, не очень был ей нужен, только все равно она всем сказала: «Какие там интернаты! Будет жить, где жил, в своем доме...» И мы неплохо жили, она была веселая такая и не придиралась. А я старался тоже... Ну, чтобы это... взаимопонимание. Когда я закончил

шестой класс, как раз год назад, она подарила мне велосипед. Я на радостях вскочил в седло, погнал! По одной улице, по другой. Потом по дороге, что на деревню Патрушево. Не по самой дороге, а сбоку, по тропинке. В одном месте мост через овраг, а тропинка по его краю... А в овраге камни на склоне... Ваня, я потом узнал, что колеса сорвались и я головой о камни. Но сам ничего не помню. Люди, если с ними такое случается, не помнят последний миг... И я запомнил только, что подъезжаю к мосту... А потом – сразу там...

– Где?

– Поле такое... Широкое-широкое, до горизонта. Кусты всякие, трава, цветы, иногда деревья... Облака белые, пушистыми грудками, но солнце не закрывают. И солнце очень хорошее, не жаркое... Мне сказали: «Теперь, если хочешь, иди...» И я пошел...

– Кто сказал-то?

– Не знаю. Там это неважно. Будто рядом кто-то. Спросишь – ответят, не знаешь – подскажут... А иногда бывает, что голос издалека... В общем, я пошел, ничему не удивляюсь, просто мне хорошо. Смотрю, белая рубаха на мне... ну, та самая. Легко в ней так, словно ты весь из воздуха...

– А крылья? – не удержался я.

– Да чего там крылья. Они это так... Хочешь – они на тебе, не хочешь – нету их. Можешь полетать, если вздумается, только я почти не летал. Идти было лучше. Пить захотел – ручей журчит. Проголодался – рядом яблоня с большущими

яблоками. Только редко хотелось. Просто идешь, идешь...

– И ты... целый год шел?

– А чего? Это не трудно и не скучно. Не кажется, что долго. Наоборот, интересно. Столько бабочек разных вокруг...

– Вовка, и что же? Это со всяким так бывает, кто попадает... *туда?*

– Наверно, нет. Наверно, у каждого по-своему. Со мной вот так...

Очень осторожно я спросил:

– А все же сколько там идти? Я слышал, что те, кто оказывается на небесах... они вроде бы попадают к престолу Бога...

Вовка не удивился.

– Ну да, я тоже слышал. Но это же не сразу. Путь-то знаешь какой... невероятный. Надо еще столько пройти... Это как у космонавтов.

– Что у космонавтов? – озадаченно сказал я.

Вовка коротко посмеялся (отчего бы это?).

– Ты же помнишь. Как выведут на орбиту новую станцию или просто полетит кто-нибудь, сразу крик по всем каналам: «Покорители космоса, капитаны звездных кораблей!» А от этой орбиты, да и от Луны и даже от Солнца, до звезд расстояние – все равно, что от Земли, никакой разницы... Мне кажется, что слой Вселенной, куда я попал, это как первая орбита. Над ним еще ой-ей-ей сколько слоев, и до престола надо пройти их все... Ваня, ты читал книгу «Роза любви»...

или «Роза мира»?

– Читал, конечно.

– Я не читал, но мне тетя Света, моя тетя, рассказывала. Там, кажется, про такое написано. Может, не совсем как на самом деле, но похоже.

Я спросил еще осторожнее, чем прежде (удержаться не мог):

– И что же... тебе придется идти через все эти слои?

Вовка отозвался довольно беззаботно:

– Не знаю. А чего такого? Времени-то навалом... То есть его там вроде бы и нет. То есть не существует. Или оно не такое... В общем, поживем – увидим.

«Господи! «Поживем»!...»

– Вов... Значит, смерти нет?

– Чево-о? Ерунда какая!.. То есть такой, какой люди боятся, конечно, нет... Страшно другое...

– Что же? – шепотом спросил я. С холодком на коже.

Вовка будто комок сглотнул и тихо объяснил:

– Страшно расставаться. С теми, кого любишь... Или хотя бы с домом... Там хорошо, на этом поле, но идешь, идешь и вдруг как вспомнишь...

Тут бы мне и заткнуться, но опять потянуло идиота за язык:

– А встретиться с родными... там нельзя? Ну, с бабушкой, например?

– Можно. Только не сразу. Тоже надо долго идти... И еще

надо, чтобы *они* тоже хотели встретиться...

– Разве они не хотят? Родители, бабушка?

– Может, они еще не знают, что я уже там. Не думают, что я попал туда так рано. Или, может, они в других слоях... А еще, наверно, я сам виноват...

– Почему?

– Потому что я все же не привык еще там... до конца... Я же говорил: скучаю по дому. Наверно, поэтому меня и отпустили: родных-то здесь уже нет, никто не удивится, не напугается, а с домом повидаться можно...

– Подожди... а тетка?

– А ее давно тут нет! Полгода назад уехала в Канаду, вышла там замуж по объявлению. За какого-то фермера. А дом продала «новому русскому». Тот его сломает и построит на этом месте коттедж...

– Ты это еще *там* знал, на своем поле?

– Да... Только без подробностей... А сегодня заглянул в Косой переулок, на полчасика. Смотрю, дом заперт, окна заколочены. Ну, я расспросил старую соседку, она почти слепая, меня не узнала... А узнала бы, дак не поверила... Я сказал, что ищу знакомого мальчика, с которым был два года назад в летнем лагере, и назвал свое имя. Она разохалась, запричитала, ну и выложила мне все. И про меня, и про тетку... А я обошел дом со всех сторон, будто поздоровался... и опять попрощался...

Вовка рассказывал это, повернувшись лицом к стене. По-

ложил под щеку с синяком ладонь. Сейчас мне показалось, что в горле его заскреблись слезинки. Я виновато молчал. Вовка тоже молчал. Потом я услышал, что он дышит ровно и спокойно. Присмотрелся. Вовка спал.

Я тихонько вышел из комнаты.

6

Утром Лидия торжественно вручила Вовке новую зубную щетку. Затем обследовала его синяк на щеке. Синяк был теперь бледным и не очень заметным. Однако Лидия все же припудрила его.

– Чтобы ты не выглядел драчуном и хулиганом...

Вовка и не выглядел. Вполне нормальный мальчишка. Особенно когда Лидия своим гребнем расчесала его соломенные вихры. Он даже пальцы не вытирал о штаны, когда завтракали творогом и яичницей.

Лидия сказала, что придет на обед, и чтобы мы в это время были дома. Вовка отозвался уклончиво:

– Это как получится. Дела ведь...

– Какие сегодня дела? Это лишь несчастные вроде меня работают по субботам, а нормальные люди отдыхают.

– А мы не нормальные, – сухо вато сказал Вовка (или он имел в виду «ненормальные»?).

Делами мы занялись, как только Лидия отправилась в свой салон. Вовка сел к столу с компьютером и сказал слегка насупленно:

– Иван, иди сюда.

Я подошел. Вовка слегка поднял над столом прямую ладонь. Между ней и лакированным деревом возникла пачка прямоугольных бумажек. Вовка убрал руку, я замигал.

– Вов... откуда это?

Он хмыкнул:

– «Оттуда»... Командировочный резерв. Пришлось потратить еще одну защиту.

– Здесь же обалдеть сколько баксов...

– Не бойся, настоящие. А без них сегодня не обойтись. Ты сейчас позвони адвокату Семейкину, пообещай ему, сколько запросит... Конечно, в конторе Махневского уже пошла кой-какая раскрутка, но, если Семейкин со своей стороны подтолкнет, будет еще лучше...

– Вов, а какая раскрутка?

Он весело крутнулся на стуле.

– А я и сам не знаю! Знаю только, что *она пошла*. Куда надо...

Почему-то я вдруг сразу успокоился, поверил Вовке.

– Слушай, а что это за защиты у тебя? Ты уже не раз их вспоминал.

Он ответил и дурашливо, и серьезно:

– Вот такие «защиты». Вроде как патроны в твоем нагане. Только там в патронах сжатый воздух, а в защитах сжатая энергия. Для всяких полезных дел.

– И много их у тебя... этих патронов?

Вовка посопел слегка озабоченно.

– Не очень. Мне дали с собой двенадцать, сказали, что хватит.

Я вдруг спохватился:

– Вовка, а когда ты все это успел? Собраться, защиты получить и... даже инструктаж какой-то? Я ведь только подумал... про ангела-хранителя... и ты – сразу...

– Я же говорил: там время не такое...

– А... сколько защит осталось-то? – не сдержал я беспокойства.

Он виновато почесал припудренный синяк.

– Вот смотри... Две я сразу потратил на компьютеры: чтобы сперва влезть в твой, а через него – в сеть Махневского. Одну когда из осколков бокалы склеивал, чтобы доказать тебе Лидии. Ты же сам просил... После этого еще две – сперва когда внешнюю охрану у офиса «Дешевых рынков» обходил, потом внутреннюю.

– И еще небось когда вы с Егором сцепились.

– Не-е! Мы без этого, по-честному. Да и нельзя, потратили бы оба все, что есть... Видишь, уже пять. А шестая – вот... – он кивнул на доллары.

«Значит, осталось еще полдюжины? Хватит ли на все дела?» – опасливо мелькнуло у меня. Но сказал я другое, от души:

– Спасибо тебе, Вовка.

Он заулыбался и ответил тоном пройдохи-сантехника:

– «Спасибо» – это чересчур, а вот...

– Чего? – с готовностью вскинулся я.

– Можно я возьму из холодильника помидор? Самый большой? Я их страсть как люблю...

– Ну, что ты спрашиваешь! Ешь хоть все!

– Нет, я один. Он во какой!.. Хорошо, что футболка красная, не страшно закапать. – Вовка ускакал на кухню.

– Вымыть не забудь! – крикнул я вслед.

– Ты совсем как тетя Лидия! – радостно отозвался он. –

Звони давай Семейкину, не тяни!

– А ты откуда знаешь про Семейкина?

– Здравсте! Я здесь зачем, по-твоему?

Я услышал, как он хлопнул дверцей и зачавкал (конечно, не помыл помидор).

Семейкин был знаменитый адвокат. О нем упоминал другой юрист, не такой известный и дорогой – тот, к которому мы кинулись, когда началось разорение журнала. Он честно сказал: «Дело кислое, ребята, я ничего не обещаю. Вам бы связаться с Ильей Рудольфовичем, он бы, возможно, справился...» Но Илья Рудольфович Семейкин брал такие гонорары, что всей нашей оставшейся казны не хватило бы на первый взнос.

Я оглянулся на Вовку, который с помидором в зубах возник в комнате.

– Слушай, а может, я привлеку к делам Костю Травкина? Он у нас как бы менеджер, продюсер, генеральный директор, завхоз и прочая, прочая. Больше меня в курсе всех дел...

Вовка взял помидор в измазанные соком пальцы.

– Не надо, Иван. Я ведь *твой* хранитель, а не ихний. Не Кости Травкина, не Лены Терещенко, не Глеба Перевало-

ва... – Он перечислил всю бывшую журнальную компанию. – И они уже думают не о том. Знают, что журнала больше не будет. *Всего* вам теперь все равно не вернуть... Да и не нужен журнал, ты сам понимаешь...

«Тоже мне, провидец! – внутренне ощетинился я. – Опять, что ли, влез в мои мысли?» Но злиться не имела смысла, Вовка был прав. Если говорить честно, ведь еще до всех бед, после второго номера, я чувствовал: выходит не то, что хотели. Развлекать читателей получалось, да, а вот пошевелить их души, постараться, чтобы задумались всерьез о добре и зле в нашей жизни... Конечно, мы надеялись на будущее, но сейчас я чуюл: не вышло бы. Ни у меня, ни у всех остальных. Ребята хорошие, да опыт не тот... И кроме того, ну да, хорошие, пока только вместе были, пока увлекались общим делом. А как поняли, что «кранты», сделались сами по себе, лишь бы выплыть. Нет, не ссорились, не подставляли друг друга, но скисли и глядели мимо друг дружки...

Я ничего не ответил, стал набирать на телефоне справочное, чтобы узнать номер Семейкина.

Вовка сказал мне в спину:

– Ноль-ноль четыре, сорок семь, семьдесят семь...

Илья Рудольфович откликнулся тут же. Суть вопроса уяснил сразу.

– Да, я слышал о вашей проблеме. Должен сказать, что она непростая, вы затянули дело. Но я попробую... Надеюсь, вы сможете перечислить мне сегодня через «Экстра-юни-

он»... – И назвал сумму, от которой меня пошатнуло. Вовка сказал одними губами:

– Не торгуйся...

Я и не стал. В конце концов, пачка банкнот была солидная...

– Хорошо, Илья Рудольфович. Займусь этим сейчас же.

– Весьма признателен... Однако встретиться с вами я смогу лишь послезавтра утром, сейчас уезжаю на дачу. Будьте добры продиктовать мне ваш телефон...

Я продиктовал, и мы с Вовкой (он все еще жевал помидор – на ходу, как мороженое) пошли на улицу Добролюбова в «Веста-банк». Там было почти пусто, прохладно и строго, все пространство простреливалось взглядами охранников. Так и казалось, что сейчас спросят: «Откуда у вас, господин Тимохин, эта валюта?» Не спросили. Я с полчаса под руководством терпеливой кассирши, возился с заполнением бланка. Наконец расплатился, и мы с Вовкой выкатились под жаркое солнце.

– Может, по стаканчику пломбира? А?

– Ага!

– А... потом что?

– Вань, а потом... пока ничего. Надо ждать. Ты займись всякими своими делами, а я погуляю до вечера.

Я сразу напрягся. Вовка сбоку быстро глянул на меня:

– А можно вместе... если хочешь.

Я хотел! Во-первых, все еще сидел во мне страх: а вдруг

он уйдет и больше не появится? А во-вторых... мне просто было хорошо с Вовкой. Независимо от всех дел. Словно оказался у меня младший брат, приехал на каникулы...

С детских пор я мечтал о братишке, маме говорил, однако появилась Лёлька. Тоже неплохо, но девчонка все-таки, да к тому же теперь большая. Не сестренка, а сестра (кстати, надо позвонить в Тальск, узнать, как сдает экзамены).

Мы купили пломбир, посидели в сквере у фонтана с большим гранитным глобусом. Я вдруг заметил, что Вовка стал какой-то неуверенный.

– Ты что? Может, хочешь еще?

– Не-а... Я про нашу прогулку... Тебе, наверно, это не понравится. Тогда не ходи...

– Куда?

– Я хочу на кладбище побывать, где бабушка... Я вчера про нее как-то нехорошо говорил. А она ведь бабушка все равно...

– Идем, конечно!

– Это Черданское кладбище, старое. Туда на троллейбусе надо.

Мы сели на троллейбус шестого маршрута. Жарко было и тесно, ехали стоя. Вовка не мог дотянуться до поручня под крышей, держался за меня. Серdito сказал толстой девице:

– Глядеть надо, куда топаешь, ногу отдавила, корова. – Вот тебе и ангел. Девица пфыкнула накрашенными губами.

Приехали взмокшие и помятые. «Ты еще живой? – чуть

не спросил я Вовку и ахнул про себя: – Дубина!»

У каменных ворот бабки торговали цветами. Вовка неловко затоптался.

– Ваня, дай десять рублей, а? Я бы ромашки, вот эти...

Прижимая букет к индейскому вождю на футболке, Вовка повел меня по кладбищенским дорожкам. Кладбище было старинное, заросшее, попадались мшистые надгробья надворных советников и купцов разных гильдий. По ним прыгали мелкие пичуги. Дорожки сперва были широкие, утопанные, потом, после нескольких поворотов, сделались *уже*, стали путаться в лопухах и мышином горохе. Вовка сперва шагал уверенно, но затем начал сбивать шаг, оглядываться.

– Забыл дорогу?

– Не... То есть маленько... Если бы дорога, а то джунгли... Кажется, вон туда... – И Вовка потянул меня за рубаху сквозь чащу репейника и зацветающего кипрея. – Ух ты, крапива гадючья...

Все-таки он вышел куда надо. Я увидел заросший холмик и рыжий от старости веночек на решетчатой железной пирамидке. Вовка деловито отнес его на ближнюю мусорную кучу. Под венком открылся побитый эмалевый медальон с фотографией. Обычное, почти знакомое старушечье лицо со сжатыми губами, темная косынка на голове. Мелкая надпись под снимком: «Тарасова Ксения Леонидовна». И даты рождения и смерти. Но эмаль с них отскочила, не разобрать.

Вовка вернулся, положил на холмик ромашки, быстро

глянул на меня, отвернулся, стянул с головы бейсболку и замер. Я отступил на несколько шагов. Показалось, что он меня стесняется. Вовка стоял с полминуты и вроде бы шептал что-то. Может, просил у бабушки прощения за вчерашние слова? Потом он быстро перекрестился.

А меня вдруг, словно холодным воздухом, овеяла догадка: «Ох, а ведь сам-то он... наверно, тоже где-то здесь...»

Вовка спиной отступил от бабушкиной могилы. Встал рядом, прохладными пальцами взял меня за локоть. И который уже раз угадал мои мысли. Сказал тихонько:

– Это недалеко, вон там, у самой изгороди... стена такая из кирпича, в ней углубления, а в них вазочки с пеплом. И больше ничего. Только снаружи дощечки с именами и фотографиями...

Я будто воочию увидел мраморную дощечку с именем. И с фото...

– Ты что... хочешь туда?

Он покрепче взял меня за локоть.

– Нет, не хочу... Это и нельзя. Может утянуть обратно... раньше срока...

«А какой срок? – обдало меня новым холодом. – Сделаешь все, что надо, и уйдешь? Когда?»

Такая мысль подкрадывалась и раньше, но я суеверно гнал ее. А теперь вопрос встал прямо и беспощадно. И Вовка его наверняка тоже почуял. Но никак не отозвался. Тихо подышал рядом, отпустил мою руку, натянул бейсболку:

– Ладно, Ваня, пойдем... Нет, не обратно, а напрямик, вон туда. Там дыра в заборе...

– Опять изжалишься, – проворчал я, делая вид, что не было у меня никаких *таких* мыслей.

– А, теперь уже все равно...

«Давай посажу на плечи», – хотел предложить я, но почему-то не посмел.

Мы рывком преодолели все чертополохи и через дыру в каменной кладке выбрались к окраинной дороге. Вовка, видимо, разом избавился от кладбищенской грусти. Весело вертел головой, поджимал ноги, чесал покусанные икры. Потом вдруг выпрямился, глянул вверх, поднял перед лицом согнутый мизинец. Ему на сустав сразу села крупная коричневая бабочка.

– Иван, смотри, это «павлиний глаз»! Они редко встречаются, не то что всякие крапивницы и капустницы!

Бабочка и правда была с лиловыми кружочками на крыльях. Вовка дунул на нее, помахал вслед. Глянул на меня через плечо:

– Ну, что? На троллейбус?

Я, прогоняя бодростью все еще не отступивший страх, заявил:

– Никаких троллейбусов, хватит. Сейчас поймаем тачку, у меня есть еще семь червонцев. И... куча твоих баксов. Переслал-то я меньше половины. Оставшиеся можно тратить?

– Наверно, можно, если немного...

Доллары не понадобились (да и где бы я разменял сотенную купюру?). Хозяин пыльного «жигуленка» согласился доставить нас до центра за сорок рублей.

Он оказался лихим водителем, этот похожий на кавказца парень. Помчал нас по разбитому асфальту со скоростью звука (видать, спешил в город по своим делам). Один раз мы едва не впилили во встречный самосвал. В последний миг эта зеленая громада с драконьими глазами-фарами рванулась влево и уже у нас за спиной завывла тормозами и сигналами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.